

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: АКТОР ИЛИ ИНСТРУМЕНТ?

Аннотация. В статье ставится задача определить роль социальных сетей и сетевых сервисов на политические процессы в контексте современной мировой политики. Объектом исследования является сеть Интернет, предметом социальные сети и их влияние на международную политику. Процесс внедрения новых информационно-коммуникационных технологий не только в повседневность современного человека, но и в международную практику приводит к тому, что все большую значимость приобретают новые акторы мировой политики, успешно конкурируя с государствами. Социальные сетевые сервисы обладают по настоящему уникальной возможностью по обладанию и распространению информации, которая выступает в качестве ключевого фактора силы. Методологическая база работы включает системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, а также сравнительный анализ и наблюдение, методы индукции и дедукции. Автор статьи стремится ответить на вопрос – существуют ли основания считать социальные сети, в лице их кампаний-владельцев и пользователей, самостоятельным актором современной мировой политики? При этом анализируются основные позиции исследователей по этому вопросу. Используется термин, предложенный Дж. Наем – киберакторы. Делается вывод – несмотря на то, что киберакторы способны нарушать монополию государств на силу и власть в масштабах мировой политики, целый ряд ограничений и оговорок не позволяют утверждать, что социальный интернет и его сервисы приобретают акторность на постоянной основе.

Ключевые слова: интернет, социальные сети, информация, мировая политика, дипломатия он-лайн, акторы, киберакторы, пользователи, интернет-кампании, мягкая сила.

Abstract. The author aims at defining the role of social networks and network services in political processes in the context of contemporary global policy. The research object is the Internet, the research subject is social networks and their influence on the international policy. The involvement of new information and communication technologies both in everyday life and the international practice leads to the fact that the role of new global policy actors increases, they compete with states. Social network services have a unique ability to gain and spread information, which is the key factor of power. The research methodology is based on the system, structure-functional, comparative-political approaches, comparative analysis, observation, induction and deduction. The author attempts at answering the question – are there any reasons to consider social networks, in the person of their owning companies and users, as independent actors of contemporary global policy? The author analyzes the key scholars' positions on this issue. The author applies the term, introduced by J. Nye, – cyberactors. The author concludes that, despite the fact that cyber actors are able to disturb state power and force monopoly in the context of global policy, due to the existing limitations and conditions, social networks and services can't be considered as constant actors.

Key words: cyberactors, actors, diplomacy on-line, global policy, information, social networks, Internet, users, Internet campaigns, soft power.

«Процесс полного заселения биосферы человеком неразрывно связан с возможностью мгновенной передачи мысли, ее одновременно-го обсуждения на планете...»

Вернадский В. И.

«Проблема всех государств сегодня заключается в том, что все больше событий происходит вне контроля даже самых мощных из них»

Джозеф С. Най «Реальность виртуальной власти»

Во второй половине XX – начале XXI вв. была окончательно нарушена монополия государств, как единственных игроков на мировой арене. Все большее значение начинают

приобретать новые акторы мировой политики – негосударственные, надгосударственные, транснациональные субъекты. Впервые о наступлении эры влияния негосударственных акторов написали еще в 1971 г. основатели неолиберальной школы международных отношений Р. Кохэн и Дж. Най [44]. Спустя много лет все тот же Дж. Най продолжает разрабатывать тему негосударственных акторов, но уже в условиях формирующегося глобального, информационного общества [46].

Не стоит лишний раз напоминать, что сейчас значимость самых разнообразных негосударственных участников мирового политического пространства все более возрастает. Най Дж. говорит

о «диффузии власти» в глобальном информационном веке, что выражается в «распылении» последней, в появлении новых центров влияния. Информация, а значит, власть становятся достоянием многих [46]. Что же обеспечивает влияние новых центров силы? Что является фактором/ресурсом силы/влияния?

Для государств, в традиционном понимании, – это было оружие, идеология, ресурсы, в том числе финансовые. Для многих современных негосударственных акторов мало, что изменилось. Это по-прежнему, фактор силы и страха, если мы говорим, например, о террористических организациях, фактор денег и сырья, если речь идет о транснациональных корпорациях.

Но, глобальная, информационная эпоха и развитие информационно-коммуникационных технологий способствовали появлению принципиально новых негосударственных участников мировой политики, для которых фактором силы и влияния является информация, а точнее уникальные возможности по ее распространению. Речь идет о тех игроках, чья сила опирается на незаурядные возможности сети Интернет и ее различных сервисов. При этом вполне очевидно, что здесь имеется в виду не некий абстрактный Интернет, а вполне конкретные бизнес-структуры, кампании интернет-индустрии – от гиганта Google, отдельных кампаний, владеющих хостингом, кампаний регистрирующих доменные имена, до сообществ пользователей и разработчиков интернет-проектов.

С началом эры интернета многое изменилось в современном мире (вслед за изменением самого интернета). Изначально сеть Arpanet была уделом избранных, но со временем всемирная паутина стала достоянием масс. Интерфейс управления становился все проще, а значит все меньше оставалось барьеров для входа и использования возможностей сети.

По-настоящему революционные изменения произошли с появлением технологий Web 2.0, когда началась эпоха социального интернета. Воплощением последнего стало создание **социальных on-line сетей**. Повсеместное внедрение последних, и превратило всемирную сеть в подлинно социальное явление, когда был запущен процесс формирования онлайн-общества («e-community» или «virtual community») [30]. Так и «родился» «интернет людей». И уже не поражают воображение случаи, когда федеральный апелляционный суд США признает нажатие кнопки «Мне нравится» в соцсети Facebook выражением свободы слова [8]. В Интернете популярно выражение – «если бы Facebook был страной, он был бы третьей по величине страной в мире...». Если в этих словах и есть преувеличение, то весьма не существенное [30].

Следующим шагом стало превращение «интернета людей» в «интернет вещей», когда количество подключенных к интернету устройств превысило количество людей на планете. В 2003 г. на 6,3 миллиарда населения Земли приходилось около 500 миллионов подключенных к интернету устройств (0,08 на человека), а уже в 2010 г. взрывной рост мобильных ИКТ привел к изменению этого соотношения в пользу устройств: 12,5 миллиарда устройств на 6,8 миллиарда человек (1,84 на человека) [20]. То есть, идет формирование так называемой повсеместной сети или Web 3.0. Большая часть подключений осуществляется не с помощью стационарных компьютеров, а с помощью мобильных телефонов и иных типов устройств [15].

Таким образом, реальность такова, что сейчас «у гораздо большей части населения, чем раньше, есть доступ к власти, которая приходит с информацией» [46]. И так, вот она диффузия и распыление власти в современном мире, «время информации на кончиках пальцев». И «виной» тому всемирная сеть и ее различные сервисы.

Все чаще исследователи, размышляющие о роли и месте Интернета в современном мире, о степени его влияния на общество, делают выводы о том, что всемирная сеть – это уже давно не просто новая технология. К примеру, не вызывает удивления тот факт, что виртуальная реальность, а точнее национальный сегмент сети, становятся частью политической идентичности современных государств. «Сегмент .eu должен подчеркивать нашу идентичность...» – высказывается вице-президент Еврокомиссии по электронной повестке дня Нелли Крос, поддерживая тот факт, что право регистрации в данной доменной зоне получили только государства-члены ЕС [25]. Так же не удивительно, что велики страхи стран «потерять интернет», причем в государственном масштабе. Известны случаи, когда эти страхи оправдывались и интернет отключался действительно в государственном масштабе – Иран, Сирия, Азербайджан, Египет [43]. Поэтому в некоторых странах и проводятся учения, моделирующие угрозы сети [17].

Все это говорит о том, что Интернет уже стал не просто неотъемлемой частью внутри- и внешнеполитической реальности современного мира, но и элементом национальной и международной безопасности.

Звучат выводы о том, что «безобидная технология, призванная упростить досужее общение, приобрела черты оружия массового уничтожения (ОМУ), угрожающего стабильности и безопасности отдельных стран и международного сообщества в целом» [6]. Исследователи уже вполне серьезно ведут речь о влиянии Интернета на мировые политические процессы, рассматривают игроков на

этом поле, как акторов мировой политики [14]. В качестве доказательства влияния виртуального мира на международные процессы, исследователи приводят примеры «твиттерных революций», ситуацию вокруг фильма «Невинность мусульман», «карикатурный скандал», феномен «Wikileaks» и массу других примеров разнообразных конфликтов, когда сеть становилась площадкой, где этот самый конфликт разворачивался.

Для объяснения тактики и стратегии именно негосударственных акторов было введено понятие «soft power» (мягкой силы) и «smart power» (умной силы) – привлечение на свою сторону через добровольное участие, через культурно-историческую, идеологическую привлекательность. В 2010 г. Дж. Най, развивая далее собственную концепцию «мягкой силы», предложил ввести термин для обозначения типа акторов, сила которых опирается исключительно на возможности киберпространства – cyber power [46]. Актор, действующий в виртуальном пространстве, может сочетать как жесткую, так и мягкую силу – от прямого давления на действующих лиц (например, блогеров), до краудрекрутинга и общественной дипломатии. И вполне очевидно, что государство, реализующее свою внешнюю политику в виртуальном пространстве, так же может выступать в качестве киберактора!

Однако, в целом соглашаясь с мнением, что «даже в условиях бума социальных интернет-сервисов государство остается наиболее сильным актором» [3], отнюдь не о государстве хотелось бы поговорить далее. В данной статье хотелось бы еще раз отдельно и специально поднять тему **социальных сетей** и актуализировать оппозицию – может ли сеть Интернет, и ее социальные сервисы, рассматриваться в качестве самостоятельного **актора** мирового политического процесса, или же это не более чем **инструмент** по наращиванию влияния? При этом, еще раз укажем, что здесь мы ведем речь не о каком-то абстрактном Интернете. Разговор идет о вполне конкретных социальных сервисах (Facebook, Твиттер, Вконтакте, Google и т.п.) и об их пользователях и владельцах – бизнес-структурах, о кампаниях интернет-индустрии, деятельность которых on-line и/или off-line и является поводом размышлять о степени их влияния на международную политику.

Прежде всего, попытаемся обозначить основные позиции исследователей по этому вопросу. Спектр мнений сводится в основном к трем позициям:

1. Интернет и его сервисы, а так же кампании интернет индустрии не обладают акторностью. Согласно данному подходу интернет и его социальные сервисы – это не более чем инструмент. Так как, лишь государства обладают субъектностью в интернете, и деятельность бизнес-структур лишь

отражает интересы ведущих государств. Сторонники данного подхода указывают на примеры, когда государства устанавливали жесткий контроль за контентом в сети, примеры столкновения между государственным и негосударственным актором за влияние в виртуальном мире, которое завершается, как правило, в пользу первого. Приверженцы данного подхода, в частности, крайне скептически отзываются о феномене «твиттерных» революций. Отмечают, что социальные сервисы выполняют достаточно узкий набор функций и ограничены в применении. Следует признать, что данная точка зрения наиболее распространена [3, 6, 7, 14, 18, 33].

2. Противоположная точка зрения, напротив, крайне высоко оценивает значимость различных социальных сервисов в современной международной политике. Указывается, что интернет-компания, владеющие социальными сетями, имеют в своем распоряжении такие инструменты воздействия на массы, с которыми вынуждены считаться государства. Главным инструментом здесь выступает, конечно же, информация, а точнее уникальные возможности по ее распространению. Здесь исследователи так же оперируют немалым перечнем примеров, когда государства принимают и активно используют те «правила игры», которые формируются в сети [34, 35, 45].

3. В литературе можно встретить и промежуточную точку зрения, которая сводится к признанию всемирной сети в качестве «нейтрального» фактора политической стабильности. В этом случае исследователи указывают на то, что те же социальные сети могут приобретать признаки субъектности в некоторые моменты своего функционирования, что позволит им повлиять на состояние публичной политики и публичной сферы offline [16, 28].

Таким образом, единства мнений по вопросу роли социальных on-line сетей в современном мире нет, но при этом есть вполне четкое общее понимание, что игнорировать эту роль ни в коем случае нельзя.

Стремление оценить роль и значимость социальных on-line сервисов неизбежно диктует необходимость обращения к терминологической базе. Вспомним теорию международных отношений. Актора мировой политики определяют, как «рефлексирующего свою политическую роль субъекта, активно и существенно влияющего на мировые политические процессы и тренды мирополитического развития» [21, с. 38-39]. Выделяются признаки субъектности: 1. способность к коллективным действиям, 2. объединение определенной системой ценностей, 3. способность оказывать влияние на других участников мировой политики [2].

Таким образом, очевиден акцент на том, что «актор» – это субъект международных отношений,

который оказывает **существенное влияние** на мировые процессы.

Соответственно, необходимо как-то обозначить *степень влияния*, выделить *факторы влияния*, понять *цели и задачи* данного субъекта.

Прежде всего, поговорим о целях и задачах.

Когда речь идет о целевых установках компаний интернет-индустрии финансовые мотивы первичны и очевидны. Но, исследователи верно указывают на одну существенную разницу в целеположении государственных и негосударственных акторов – «если государства обычно действуют исходя из того, что они «существуют вечно» (то есть для них нет ограничения по времени), то другие акторы могут изначально ставить себе «пределы существования». Например, так себя может вести в ряде случаев бизнес или НПО, работающие «по проекту» [21, с. 40]. В западной литературе такая форма деятельности получила название *cause-oriented politics* – «политика, касающаяся определенного вопроса» [25].

В данном случае речь может идти, например, об определенных разовых акциях, которые запускают интернет-кампании и которые «выстреливают» на международном уровне. В качестве примера можно вспомнить события 2009 г., когда во время беспорядков в Иране (после выборов президента) движение Anonimous запустило проект Anonimous Iran. Ставилась цель обойти политическую цензуру [3]. Хакерское движение Anonimous известно и другими массовыми акциями, когда оно вступало в противостояние с отдельными партиями, общественными движениями и даже государствами. Затрагивая тему «темного интернета» можно упомянуть целый ряд социальных сетей и сайтов, которые могут являться подпольными поставщиками тех или иных незаконных услуг, например, Silkroad – анонимная социальная сеть. В частности, даже после закрытия сети Интернет в Ливии, Тунисе и Египте, оппозиционеры использовали теневой Интернет для согласования своих действий [11].

Таким образом, примером «работы по проекту» могут считаться и знаменитые «твиттерные» революции. Много «исследовательских копий» было сломано вокруг данного феномена – от признания решающей роли социальных сетей в событиях «Арабской весны», до весьма скептического отношения к этой самой роли [6, 25, 28]. Думается, что очень верно об этом сказал один исследователь – «речь ведь идет не о том, что революции переносятся с площадей в блоги. Наоборот, начавшись в блогах, они не становятся настоящими революциями, не будучи перенесены на площади» [6].

Оставляя за скобками нашего исследования дальнейшие размышления о сути данного явления, отметим одну очень важную для нас грань. Пресло-

вутые «твиттерные революции» актуализируют иной аспект реализации краткосрочных целей со стороны негосударственных киберакторов. Речь идет не о деятельности компаний интернет-индустрии, а об активности самих **пользователей**. Иными словами, когда сами пользователи социальных сервисов становятся инициаторами (субъектами) каких-либо действий, реализуют с их помощью краткосрочные цели, проекты. И здесь Facebook, Twitter и YouTube становятся важнейшими механизмами координации и мобилизации оппозиционных сил [32]. Вполне очевидно, что именно всемирная сеть обладает уникальной возможностью по мобилизации масс на какое-либо действие – «интернет отличает мгновенная реакция на происходящие события. Увидел, сфотографировал, выложил на сайт. Пока телевидение подготовит сюжет, Интернет уже соберет людей» [22]. Интернет и мобильная связь начали активно использоваться для организации протестных массовых мероприятий с начала 2000-х годов. Первое крупное их применение имело место в 2001 г. во время «контрсаммита» антиглобалистов в Генуе [37].

О событиях же на Ближнем Востоке исследователи высказываются в том контексте, что социальные сети в Арабской весне не проявили себя в качестве субъектов корпоративных интересов. Руководство и менеджмент крупных ТНК не пытались управлять протестной активностью или хотя бы направлять ее. Так менеджер Google Ваиль Гоним (автор знаменитой работы «Революция 2.0: Документальный роман») заявлял, что действует, как частное лицо, причем использовал ресурсы главного конкурента своей кампании – Facebook [6, с. 68]. Согласно проведенному исследованию International Journal of Communication почти 70 % посланий в Твиттере отправлены отдельными индивидами, а не организациями – еще один аргумент в пользу частного характера арабского on-line протеста [12].

Другие примеры. Действия израильских блогеров во время Второй Ливанской войны в 2006 г., когда активность израильской блогосферы помогла сгладить международную критику, которая обрушилась на руководство страны. Или коллективные действия российских блогеров в 2008 г., которые склонили чашу весов в пользу России в голосовании на сайте CNN [6]. Примеры целенаправленной сетевой протестной активности можно продолжать. Однако уже данные сюжеты демонстрируют, что для участия в информационной войне иногда достаточно клика мышкой и, что каждый, хоть на миг, может стать участником международной политики.

Реализация «политики, касающейся определенного вопроса» возможна и в позитивном контексте. Речь идет о таком явлении, как крауд-

сорсинг (от англ. crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов») – включение в трудовую деятельность масс добровольцев, в том числе через социальные сервисы. Принцип краудсорсинга используется некоторыми общественными организациями, которые осуществляют различные акции, в том числе международного характера. При этом используются специальные веб-платформы для размещения инициатив, петиций, обращений – «сетевые агрегаторы жалоб, петиций, сбор электронных подписей – все это стали называть «Activism 2.0». Например, Avaaz.org – веб-платформа общественного движения, которое занимается организацией социально-политических кампаний по различному кругу вопросов международного характера – изменение климата, международные конфликты, проблема бедности и др. [23]. Газета The Guardian прямо называет Авааз «самой влиятельной онлайн-сетью», делая акцент именно на ее международной деятельности [48]. Схожий принцип использует PetitionOnline.com (Change.org) – веб-платформа, на которой все желающие могут свободно и на любом языке разместить петицию. Существуют разные точки зрения по вопросу международно-политической значимости подобных платформ, однако некоторые факты действительно говорят о том, что роль подобных инициатив нельзя игнорировать. В частности, отмечены случаи намеренного блокирования платформы Change.org в некоторых странах (КНР, Белоруссия, США). Когда государство идет на подобные меры в отношении субъекта отношений, последний заслуживает, как минимум, внимания и оценки.

Итак, реализуя краткосрочные цели и задачи «по проекту», некоторые бизнес структуры (владельцы социальных сервисов) и их пользователи могут приобретать признаки акторности (субъектности), оказывая определенное влияние на пространство международных отношений. Сами же социальные сети (как on-line платформа) при этом все-таки остаются инструментом в тех или иных руках, так как не социальные сети управляют аудиторией, а аудитория управляет ими.

Но не все так однозначно в современном мире. Международная реальность демонстрирует примеры, когда сетевые сообщества ставят перед собой весьма долгосрочные цели и задачи.

В 2012 г. было объявлено о планах запустить новый интернет-проект «Исламская социальная сеть Salamworld» (<https://salamworld.com>). Сам по себе факт запуска нового социального веб-сервиса не является чем-то особенным, количество on-line социальных сетей довольно значительно. Но представители Salamworld с самого начала попытались заявить о себе как о чем-то большем, нежели просто веб-сервис. Работая над раскруткой собствен-

ного продукта, представители Salamworld в течение года нанесли визиты в более чем 30 стран (исламский мировой тур Salamworld), выстраивая стратегические партнерские отношения с различными мусульманскими организациями и сообществами. А в феврале 2012 года представители мусульманской элиты из более чем 40 стран собрались в Стамбуле для участия в первом глобальном саммите Salamworld. На саммите выступили премьер-министр Турции, премьер-министр Малайзии и другие высокопоставленные лица [5].

Итак, мы видим, что в данном случае сетевое сообщество непосредственно от своего имени выстраивает отношения с другими субъектами международного процесса, является инициатором работы представительных международных форумов и официальных визитов на высшем уровне. Тем самым приобретая статус актора международных отношений. Правда, опять же, лишь на какое-то время, так как столь громко заявленная «первая исламская социальная сеть Salamworld» (о которой стали говорить, как о Фэйсбуке для мусульман) [47] в конечном итоге оказалась не осуществленным проектом. Сейчас самым мощным халяльным социальным сервисом является Kitab.me (<http://kitab.me>). Он является частью большого проекта UMMA (Universal Muslim Media Agglomeration) – культурно просветительский многофункциональный интернет проект. Среди прочего провозглашает задачи: создать единое коммуникационное пространство для всемирной мусульманской Уммы; создать оптимальные условия для полноценного общения представителей мусульманского сообщества с представителями других культур [27]. Насколько успешно данный проект реализует заявленные цели, сказать сложно.

Однако есть и другие примеры того как социальный интернет выходил на официальный международный уровень. В 2008 г., во время операции «Литой свинец» отличилась израильская блогосфера. В целом ряде социальных сетей была создана группа «gaza2009», которая отражала израильскую точку зрения и вскоре привлекла несколько десятков тысяч сторонников. Активность и успешность блоггеров способствовала признанию это факта официальным правительством Израиля. И уже в 2009 г. состоялась первая встреча блоггеров сообщества «gaza2009» с представителем правительства государства Израиль. А один из израильских министров заявил, что новейшим оружием Израиля на информационном фронте является «Армия блоггеров». Беньямин Нетаньяху отдельно встретился с активными израильскими блоггерами [24].

Это очень яркий пример работы «по проекту», реализации краткосрочных целей победы в данной конкретной информационной войне. Именно

в этот период значимость киберакторов настолько возрастает, что к их слову прислушиваются другие участники международной политики.

Далее хотелось бы оценить *степень влияния* некоторых киберакторов. Думается, что степень влияния можно осмыслить через анализ взаимоотношений с традиционными и сильнейшими акторами мировой политики – государствами. Здесь актуален целый ряд вопросов – каким образом государства выстраивают взаимоотношения с интернет-кампаниями (через сотрудничество и/или конфронтацию), насколько серьезно меняют собственную политику и меняют ли вообще, пытаются ли контролировать их деятельность, или игнорировать? Ответы на данные вопросы кроются, как всегда, в конкретных примерах.

В первую очередь, отметим, что информационно-коммуникационная инфраструктура – это важнейший стратегический ресурс, который требует постоянного контроля и внимания со стороны государства [32]. Но каждое государство по-разному выстраивает контроль данного ресурса. С одной стороны это западный подход постулирующий свободу Интернета и отказ от цензуры. С другой – восточный, где сильно стремление к жесткому контролю за виртуальным пространством. Последнее показательно на примере Китая, где действует, так называемый, «Золотой щит» – законодательно закрепленный контроль над деятельностью Интернет-провайдеров и комплексная система автоматической фильтрации и блокировки определенной информации по ключевым словам [7]. Кроме того, начиная с 16 марта 2012 г. в социальных сетях Китая вводится запрет анонимности, то есть теперь китайские пользователи социальных сетей должны отказаться от псевдонимов и применять свои подлинные имена [32]. При этом в Китае доступ к таким ресурсам как Twitter, Facebook, Youtube серьезно ограничен, а периодически полностью блокируется. Но это не означает, что китайское государство пренебрегает социальным Интернетом для продвижения своих интересов, скорее наоборот. В 2008 г., после ряда западных публикаций вокруг проблемы Тибета, на ресурсах «sina.com» и «china.com» китайские пользователи стали размещать ссылки на конкретные искажения с требованиями опровержения. Был создан отдельный ресурс – «www.anti-cnn.com». В результате, благодаря активности китайской блогосферы, удалось добиться официальных извинений от ряда СМИ [7]. И самое главное, государство активно поддерживало и инициировало эту самую активность. Это уже не первый приведенный нами пример, когда государство официально, или не официально, поддерживало активность блогеров.

С Китаем связан один из самых громких скандалов в противостоянии государства и интернет-

бизнеса. Речь идет о решении кампании Google уйти с китайского рынка. Причины были напрямую связаны с политикой – несогласие кампании с давлением и вмешательством со стороны государства (обвинение в шпионаже, необходимость цензуры контента, вторжение в почтовые аккаунты). В скандал вмешалась США и поддержало Google. Таким образом, вопрос был выведен на межгосударственный уровень и стал политизированным [14]. В конечном итоге в 2012 г. Google вернулся в Китай, так как коммерческие издержки от потери такого рынка превысили политические соображения.

Можно вспомнить целый ряд фактов, когда в ряде азиатских стран на государственном уровне осуществлялась блокировка тех или иных сайтов, в том числе социальных сетей. В 2012 блокировка Youtube в Иране, в 2008 в Пакистане (кроме того в разные годы Бангладеш, Афганистан и др.), Twitter, Facebook в Египте и Тунисе. Из последних новостей. В начале апреля 2016 г. власти КНДР заявили о полной блокировке Twitter, Facebook и Youtube. Впрочем, в этой стране с доступом в сеть всегда было не просто и подавляющее большинство населения полностью лишено возможности пользоваться всемирной паутиной.

Итак, с одной стороны, Китай и ряд других азиатских стран – это пример того как государство старается доминировать в информационном пространстве. Тем самым подтверждая тезис, что не существует ни одной «сетевой» структуры, реально влияющей на мировую политику и систему международной безопасности, которая не была бы создана или не поддерживалась на определенном этапе каким-либо государством [4]. Однако так же вполне очевидно, что степень влияния киберакторов достаточно сильна, что бы подталкивать руководство стран корректировать собственную политику, выработать определенную линию поведения, в отношении, в том числе, социального интернета.

Даже на Западе, при всех лозунгах о свободе интернета, государство чрезвычайно внимательно следит за тем, что происходит в сети и понятие «контроль» далеко не чуждо западной практике. Однако, правильнее здесь использовать не слово «контроль», а скорее «осведомленность». Например, США прилагают огромные усилия, тратят большие средства на различные проекты, цель которых отслеживание информации в интернете в целом и в социальных сетях, в частности. Так в 2011 г. в Агентстве по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам (DARPA) была запущена программа Social Media in Strategic Communication (SMISC). Её цель – разработка новой науки о социальных сетях и СМИ. С помощью этой программы DARPA разработало инструменты, которые позволят операторам противодейство-

вать компаниям по дезинформированию и обману [42]. Суть сводится к разработке специальной программы, которая в крупнейших социальных сетях (Facebook, Twitter, YouTube) будет отслеживать информацию, имеющую ценность для национальной безопасности, а также факты распространения недружественной пропаганды и дезинформации [6]. Эта же программа должна генерировать ответный информационный поток через аккаунты-боты.

DARPA «отличилось» при создании еще одного проекта, который активно используется в социальном интернете, и может представлять безусловную угрозу для национальной безопасности государства. Речь идет о таком проекте как TOR – открытое программное обеспечение, которое позволяет устанавливать анонимное сетевое соединение, защищенное от прослушивания и дающее возможность скрыть расположение серверов. Данный сервис позволяет создавать скрытые сайты, форумы, электронные СМИ, защищенные от цензуры. Политическое значение проекта TOR подтверждается вниманием, которое ему уделяют правительства различных государств мира. В разные годы отключение серверов TOR были осуществлены в Германии, КНР, Эфиопии, Иране [38].

Выше мы уже говорили, что в эпоху «информации на кончиках пальцев» каждый, с помощью клика мышки, хоть на миг может стать участником международного процесса. Действительно, широкая доступность и простота использования социальных сетей (и подобных им интернет-сервисов) порой выражается в самых неожиданных примерах. Компьютеризация современных армий приводит к тому, что полем битвы в локальных конфликтах может служить и пространство всемирной паутины. Некоторые солдаты своей активностью в социальных сетях могут или помочь обнаружить позиции противника, либо выдать собственные. Так в Афганистане и Ираке электронные карты широко использовались американскими войсками, которые со слов местных жителей заносили on-line информацию о дислокации военных объектов противника [3]. То же самое делали и израильские войска. И, даже простые граждане Израиля, используя при этом обычные смартфоны [32]. Выкладывая карты в сеть, в широкий доступ, пользователи зачастую не осознают, что могут не только помочь своей армии, но и навредить.

Во время войны в Ираке большую популярность приобрели блоги некоторых американских солдат, которые делились своим видением того, что происходит на войне. Эти блоги чаще всего не отражали официальную позицию Белого дома и нанесли серьезный удар по официальной американской пропаганде. Самым известным блоггером, писавшим о войне в Ираке, стал пехотинец Колби Баззел, со своим блогом «Колби Баззел посылает

войну на...». Вернувшись с войны, Баззел написал книгу «Моя война: убивая время в Ираке» [22].

Понятно, что государства не всегда быстро реагируют на подобные, весьма неожиданные угрозы. Да и реакция бывает зачастую довольно жесткой – от блокировки сети и отдельных сайтов, до ареста отдельных наиболее активных блоггеров. Так, например, в Сирии 19-летняя блоггерша была приговорена к 5 годам заключения за шпионаж в пользу США [40]. Социальные сети, кстати, иногда помогают оказать давление на силовые структуры. Так в 2008 г. в Египте, за участие в антиправительственной демонстрации, был арестован гражданин Великобритании. Пока его везли в участок, он успел отослать в Twitter сообщение «арестован». В сети, в самые короткие сроки, была развернута мощная акция в его поддержку, и уже на следующий день арестованный был отпущен [28]. Другой пример – Индонезия. В 2009 г. миллион пользователей Интернета подписались на Facebook под петицией, требовавшей освобождения двух членов комиссии по искоренению коррупции [12].

Реакция государства и общества на опасности, которые таят в себе социальные сети, иногда приводит к оформлению новых общественных движений, причем в региональном масштабе. Так в Европе набирает силу общественное движение (опирающееся при этом на ряд решений Европейского суда) «Европа против Facebook» – <http://europe-v-facebook.org/EN/en.html>. Движение борется против нарушений конфиденциальности и за неприкосновенность частной жизни, и добивается «право на забвение» в сети. Основными методами борьбы являются индивидуальные и групповые иски кампании Facebook и лоббирование своих интересов на уровне Европейского суда. Иницировано данное движение было после нескольких интересных прецедентов, связанных не только с кампанией Facebook. Одним из первых исков считается «дело Костеха». В 2010 г. испанец Марио Костеха Гонсалес потребовал от кампании Google удалить его личные данные, которые содержали информацию о когда-то имеющихся у него долгах. Со своими претензиями он дошел до Европейского суда и последний принял решение в его пользу. Суд пошел дальше и вынес вердикт, что отныне каждый гражданин Евросоюза вправе обратиться к любой поисковой системе, с требованием удалить свои персональные данные [10]. Свою роль сыграл и Эдвард Сноуден. В июле министр по делам исправительных учреждений Венесуэлы Ирис Варела призвала соотечественников отказаться от аккаунтов на Facebook, чтобы они не стали невольными информаторами США [8]. В итоге, против кампании Facebook был подан коллективный иск в Германии. Кроме того, кампания имела неприятно-

сти с властями Италии. В 2012 г. в миланском офисе компании проводилась полицейская проверка, связанная с вопросами уплаты подоходного налога в итальянскую казну [9].

Аспект взаимоотношений компаний-владельцев социальных сервисов и государств имеет еще одну очень тонкую грань, связанную с взаимодействием «в интересах следствия». В 2013 г. состоялся судебный процесс по делу бывшего владельца платежной системы Chronopay Павла Врублёвского, его обвиняли в хакерской атаке на сервера компании Assist. В рамках процесса ФСБ потребовался доступ к переписке участников этого процесса в сети Facebook. Американская компания отказалась предоставить доступ. В итоге, ФСБ, ссылаясь на закон «Об оперативно-розыскной деятельности» осуществил самостоятельный съем информации с каналов связи указанных лиц [29]. Это спровоцировало определенную волну в СМИ и заголовки в стиле «ФСБ взломало Facebook». В том же 2013 г. появилась информация, что несколько интернет-компаний (Google, Microsoft, Apple, Yahoo) получили запрос от АНБ, где запрашивался доступ к закрытым ключам web-ресурсов [41]. Результаты данного запроса огласки не придаются, но небезызвестный Э. Сноуден в свое время заявлял, что спецслужбы имеют доступ к закрытым ключам некоторых популярных веб-ресурсов.

Еще одной гранью взаимодействия государств и социального интернета является «цифровая дипломатия», или «дипломатия 2.0» [36]. В новостных лентах можно встретить заголовки – «Россия направляет посольства в Twitter», «Почему политики полюбили Twitter», «Twitter-хулиганство министра иностранных дел» и т.п. Государства все большее значение уделяют собственному присутствию в социальных сетях, тем самым повышают их значимость. В своей знаменитой речи «Интернет, за и против: выбор и вызовы в мире, связанном глобальной сетью» тогда еще госсекретарь США, а сейчас кандидат в президенты Хилари Клинтон отдельно подчеркнула важность публичной on-line дипломатии – «на прошлой неделе мы открыли аккаунты на арабском и фарси (в Twitter)... Мы запустим блоги и на китайском, русском и хинди. Это даст нам возможность иметь двусторонний диалог с народами в реальном времени, используя каналы связи, которые правительства (этих стран) не блокируют» – заявила Клинтон [31].

Зачастую политики используют социальные сети не только как инструмент передачи информации, но и как фактор «мягкой силы». Например, когда в марте 2015 года в Лозанне шли тяжелые переговоры Ирана с группой из шести государств посредников, буквально все участники встречи в режиме реального времени публиковали в Twitter

свои сообщения о ходе дискуссии [39]. Зачастую Twitter становится предметом курьезов и различных казусов, которые играют в плюс или в минус имиджа политиков и дипломатов. Уже успела стать знаменитой фотография, сделанная во время визита Б. Обамы на Кубу, когда он безуспешно попытался обнять Р. Кастро. «Твит» данной фотографии вызвал бурное обсуждение и явно не добавил популярности американскому президенту. Неосторожное высказывание министра иностранных дел Латвии Эдгарса Ринкевича, опубликованное в том же Twitter, привело к официальному протесту со стороны МИД России [13].

Впрочем, зачастую Twitter используется и в интересах государства. Так после терактов в Брюсселе в марте 2016 г. власти использовали сеть для оповещения граждан – «весь общественный транспорт в Брюсселе не работает. Метрополитен и железнодорожные станции закрыты. Оставайтесь там, где вы находитесь», – говорилось в сообщении в Twitter [19].

Нарушая монополию государств, киберакторы в конечном итоге берут на себя часть функций, которые были традиционно свойственны государственным игрокам. Речь, в частности, идет о такой функции, как цензура. На Форуме по управлению интернетом в Баку в ноябре 2012 г. был использован термин «приватизация цензуры» (The Privatisation of Censorship) [49]. Суть ее в том, что «крупнейшие информационные ресурсы современного интернета создают глобальный олигополистический рынок информационных продуктов и услуг, независимый от государств» [38]. То есть, когда государства не могут или не хотят решать проблему цензурного контроля виртуального пространства, данную задачу берут на себя частные корпорации. И здесь, очевидно, велико пространство для ошибок и злоупотреблений, так как каждая интернет-компания по-своему трактует понятие «цензура». Примеры показательны. В апреле 2016 г. курдские активисты обвинили Facebook в политической цензуре, по их словам социальная сеть намерено запрещает любые публикации, имеющие отношение к борьбе курдского народа [1]. Это не единственный подобный случай. Так в подобной же политической цензуре был обвинен и Twitter, после удаления хэштега в поддержку Эрдогана [1].

Итак, многочисленные примеры говорят о том, что государства не вправе игнорировать как опасности, так и возможности виртуальной среды. Впрочем, этого и не происходит. На самом высоком уровне имеется вполне четкое понимание значимости и огромных возможностей социального интернета. А за этим приходит стремление контролировать, либо сотрудничать. В любом случае мы видим, что степень влияния социального интер-

нета достаточно сильна, для того что бы способствовать изменению государственной политики. Необходимость понимать и знать, что происходит в виртуальной среде, заставляет страны тратить немалые деньги, разрабатывать мощные проекты и соответствующее законодательство.

Однако при всей очевидности того факта, что киберакторы время от времени нарушают монополию государств на силу и власть в масштабах мировой политики, целый ряд ограничений и оговорок не позволяют утверждать, что социальный интернет и его сервисы приобретают акторность на постоянной и бесспорной основе. Краткосрочность и стихийность реализуемых целей, ограниченность в использовании других факторов мощи (кроме информации), непостоянство влияния на других субъектов – все это позволяет считать, что социальные сети, в лице владельцев и пользователей, могут лишь на какое-то время приобретать черты

акторности, оставаясь по преимуществу инструментом мировой политики.

Закончить хотелось бы одним размышлением. Если на секунду представить себе ситуацию, что в Великой отечественной войне радио не принадлежало бы государству, а являлось бы частной структурой? Какую бы роль оно сыграло в войне? Насколько его неподконтрольное вещание на миллионы умов могло бы быть деструктивным? Стало бы оно самостоятельным актором эпохи? Ответы на эти вопросы лежат в плоскости догадок. Однако, в современном мире сеть Интернет и его социальный сегмент являются именно таким «негосударственным радио» и его влияние в международном масштабе трудно предугадать и до конца понять. Но одно бесспорно, сейчас социальный интернет – это серьезный фактор международных отношений. А вот станет ли он сильным, самостоятельным и постоянно действующим актором, покажет время.

Библиография:

1. Администрация Facebook удаляет сообщения о репрессиях Турции против курдов [Электронный ресурс] // Информационно-новостной портал «Вежливые люди» / URL: <http://vegchel.ru/index.php?newsid=23655> (дата обращения: 13.04.2016).
2. Бахметьев Я., Леонов А. Киберсила и вопрос акторности в мировой политике // Дипломатика. Журнал общественной дипломатии. 2012. № 4. С. 74-77.
3. Болгов Р.В. Сообщества пользователей интернет-проектов // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 1(28). С. 55-61.
4. Варфоломеев А., Чумаков В. О сетевых идеях и неформальных акторах в современной мировой политике и международной безопасности // Дипломатика. Журнал общественной дипломатии. 2012. № 4. С. 77-84.
5. В Стамбуле прошел первый глобальный саммит Salamworld [Электронный ресурс] // «The First News»-Информационное агентство / URL: <http://1news.az/economy/tech/20120216120909214.html> (дата обращения: 30.03.2016).
6. Демидов, О. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1(104). С. 65-86.
7. Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1(25). С. 54 / Научно-образовательный форум по международным отношениям // URL: <http://www.obrafoforum.ru> (дата обращения: 23.03.2016);
8. Евдокимова Д., Гончарова О., Фирсова Е. Побег от «большого брата» [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Новые известия» / URL: <http://www.newizw.ru/society/2013-09-23/189421-pobeg-ot-bolshogo-brata.html> (дата обращения: 16.12.2016).
9. Европа ополчилась против Facebook [Электронный ресурс] // Российское агентство новостей потребительского рынка / URL: <http://rosпотреbinform.ru/news/Evropa-opolchilas-protiv-Facebook/> (дата обращения: 10.04.2016).
10. Европейский суд обязал Google удалять личные данные из поиска по запросам [Электронный ресурс] // Европейский суд по правам человека / URL: <http://eurocourt.info/publications/news/evropejskij-sud-obyazal-google-udalyat-lichny-e-danny-e-iz-poiska-po-zaprosam> (дата обращения: 10.04.2016).
11. Емельянов А. Скрытый Интернет // Дипломатика. Журнал общественной дипломатии. 2012. № 4. С. 116-119.
12. Желтов В.В., Желтов М.В. Интернет, протестные движения и арабская весна // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. Вып. 1(24). С. 189-2014.
13. Зандере А. Twitter-хулиганство министра иностранных дел [Электронный ресурс] // Сайт «ИноСМИ» / URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150408/227374812.html> (дата обращения: 13.04.2016);
14. Зиновьева Е.С. Воздействие компаний интернет-индустрии на мировую политику // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 1(28). С. 43-48.
15. Зиновьева Е.С. Глобальное управление интернетом: российский подход и международная практика // Вестник МГИМО-университета. 2015. № 4(43). С. 111-118.
16. Казаринова Д.Б. Фактор мягкой силы в современной мировой политике и проблемы политической стабильности // Зубкова А.И., Иванов В.Г., Казаринова Д.Б., Кутелева А.В., Ярославцева А.О. Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: РУДН, 2012. С. 67.
17. Колесников А. Красная кнопка Интернета // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 4(115). С. 39-52.
18. Костырев А.Г. Разумная сила, общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 143-149.

19. Кризисный центр призвал жителей Брюсселя оставаться на своих местах [Электронный ресурс] // Новости портала Mail.ru / URL: <https://news.mail.ru/incident/25211617/> (дата обращения: 23.03.2016).
20. Куликова А. Интернет вещей: виртуальное благоденствие и реальные риски // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 3(114). С. 95-112.
21. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 1(28). С. 38-43.
22. Литвинов Д., Крикунов А. Социальные сети как поле арены информационного противоборства [Электронный ресурс] // «Центр анализа террористических угроз» / URL: <http://catu.su/component/content/article/43-2011-11-18-08-27-06/158-2011-11-19-12-44-13.html> (дата обращения: 1.04.2016).
23. Лукашина И.Ю. Политическая активность в интернете, как новый тренд в мировой политике [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России» / URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Lukashina.pdf> (дата обращения: 30.03.2016).
24. Мартиросян С. Социальные сети в информационной войне – опыт Израиля [Электронный ресурс] // «Лоббирование в Украине» / <http://lobbying.com.ua/publ/31-1-0-32> (дата обращения: 10.04.2016).
25. Новикова С.А. Политическая идентичность сетевых акторов интернет-пространства: методологические аспекты // PolitBook. 2013. № 2. С. 68-75.
26. Панцеров К.А. Осмысление опыта «твиттерных революций» в странах Северной Африки в контексте проблем информационной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 81. № 22(313). С. 91-97.
27. Проект УММА [Электронный ресурс] // Сайт социальной сети KITAB.ME / URL: <http://kitab.me/page/about/> (дата обращения: 10.04.2016).
28. Рябченко Н.А. On-line социальные сети в публичной политике: «семь мостов» Египта // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 4. С. 92-102.
29. Савчук И. Спецслужбы против TLS/SSL: перехваченный трафик, закрытые ключи, криптозакладки [Электронный ресурс] // Проект dev.by (IT в Беларуси) / URL: <https://dev.by/lenta/main/spetsssluzhby-protiv-tls-ssl-perehvachennyy-trafik-zakrytye-klyuchi-kriptozakladki> (дата обращения: 10.04.2016).
30. Селезнев Р.С. Экономика 2.0 и политика 2.0 – специфика социальных связей в среде социальных сетей (европейский пример) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 2. № 3(59). С. 305-311.
31. Стратегический наступательный твиттер [Электронный ресурс] // NewsMe / URL: <http://newsme.com.ua/ukraine/politic/785847/> (дата обращения: 13.04.2016).
32. Сурма И.В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия // Вестник МГИМО – университета. 2013. № 4(31). С. 141-152.
33. Терин В.П. Интернет – инструмент политического действия // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 4(31). С. 152-157.
34. Торочкова П.А. Социальные сети как элемент информационных технологий – новый актор мировой политики // Вестник РГУ. 2014. № 7. С. 116-126.
35. Фокина В.В. СМИ, как акторы мировой политики // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 1(28). С. 61-66.
36. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты [Электронный ресурс] // Сайт РСМД «Российский совет по международным делам» / URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=862#top (дата обращения: 30.03.2016).
37. Черкасова В.П. Телевидение и интернет, как каналы формирования политического сознания граждан Вестник МГИМО-университета. 2013. № 4 (31). С. 157-165.
38. Ширин С.С. Сообщества разработчиков интернет-проектов // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 1(28). С. 48-55.
39. Яковенко Н. Почему политики полюбили Twitter [Электронный ресурс] // Сайт «ИноСМИ» / URL: <http://inosmi.ru/world/20150716/229132082.html> (дата обращения: 13.04.2016).
40. 40-летней сирийской блогерше дали пять лет за шпионаж [Электронный ресурс] // Lenta.ru / URL: <https://lenta.ru/news/2011/02/14/zindan/> (дата обращения: 10.04.2016).
41. Declan McCullagh's Feds put heat on Web firms for master encryption keys [Электронный ресурс] // Cnet.com / URL: <http://www.cnet.com/news/feds-put-heat-on-web-firms-for-master-encryption-keys/> (дата обращения: 13.04.2016).
42. Dr. Michael Hsieh Social Media in Strategic Communication (SMISC) [Электронный ресурс] // Сайт «Defense Advanced Research Projects Agency» / URL: <http://www.darpa.mil/program/social-media-in-strategic-communication> (дата обращения: 10.04.2016).
43. Cowie, J. Could It Happen In Your Country? [Электронный ресурс] // Dyn.com / URL: <http://research.dyn.com/2012/11/could-it-happen-in-your-countr/> (Дата обращения: 15.03.2016).
44. Keohane, R. O. and Nye J. S. Transnational Relations and World Politics: An Introduction [Электронный ресурс] // International Organization/1971.Vol.25.№3.P329-349 / URL: http://www.ucm.es/info/sdrelint/ficheros_materiales/materiales016.pdf (Дата обращения: 1.03.2016).
45. Kleinwaghter, W. Internet co-governance: towards a multilayer multiplayer mechanism of consultation, coordination and cooperation. // E-learning and digital media.-2006.-Vol. 3.-Pp. 473 – 487.
46. Nye, J.S. Jr. Cyber Power. Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Relations, May 2010.-30 pp.
47. Pak, J. Muslim network Salamworld aims to be Facebook rival [Электронный ресурс] // Сайт BBC News / URL: <http://www.bbc.com/news/technology-19440584> (дата обращения: 30.03.2016).
48. Pilkington, Ed. Avaaz faces questions over role at centre of Syrian protest movement [Электронный ресурс] // Сайт «The guardian» / URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/mar/02/avaaz-activist-group-syria> (дата обращения: 30.03.2016).
49. The Internet Governance Forum [Электронный ресурс] // Сайт Форума / <http://www.intgovforum.org> (дата обращения: 13.04.2016).

50. Владимирова Т.В. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности // Политика и Общество. 2015. № 2. С. 250 – 261. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.2.14279.
51. Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане. // Национальная безопасность / nota bene. 2012. № 3. С. 76-81.
52. Манойло А.В. Сирийский тупик «Арабской весны». // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. №6. С. 49-56.
53. Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Горный Алтай. Межнациональные отношения сегодня и завтра // Мир России: социология, этнология. 1993. Т. 2. № 1. С. 63-76.
54. Филиппов В.Р. Этничность и власть в столичном мегаполисе. М., 2009. Сер. Бунтующая этничность. – 240 с.
55. Чупракова Н.С. Информационно-психологическое влияние виртуально-коммуникативных средств на молодежь в современном политическом процессе // Национальная безопасность / nota bene. – 2014. – 6. – С. 946 – 955. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.6.13724.
56. Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В. Управление региональной безопасностью: анализ эффективности мониторинга социальной стабильности // Тренды и управление. – 2015. – 3. – С. 199 – 216. DOI: 10.7256/2307-9118.2015.3.16048.
57. Владимирова Т.В. Новые социальные мобильности как практики обеспечения информационной безопасности // Политика и Общество. – 2014. – 8. – С. 902 – 909. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.8.11110.

References (transliterated):

1. Administratsiya Facebook udalyaet soobshcheniya o repressiyakh Turtsii protiv kurdov [Elektronnyi resurs] // Informatsionno-novostnoi portal «Vezhlyive lyudi» / URL: <http://vegchel.ru/index.php?newsid=23655> (data obrashcheniya: 13.04.2016).
2. Bakhmet'ev Ya., Leonov A. Kibersila i vopros aktornosti v mirovoi politike // Diplomatika. Zhurnal obshchestvennoi diplomatii. 2012. № 4. S. 74-77.
3. Bolgov R.V. Soobshchestva pol'zovatelei internet-proektov // Vestnik MGIMO-universiteta. 2013. № 1(28). S. 55-61.
4. Varfolomeev A., Chumakov V. O setevykh ideyakh i neformal'nykh aktorakh v sovremennoi mirovoi politike i mezhdunarodnoi bezopasnosti // Diplomatika. Zhurnal obshchestvennoi diplomatii. 2012. № 4. S. 77-84.
5. V Stambule proshel pervyi global'nyi sammit Salamworld [Elektronnyi resurs] // «The First News»-Informatsionnoe agentstvo / URL: <http://1news.az/economy/tech/20120216120909214.html> (data obrashcheniya: 30.03.2016).
6. Demidov, O. Sotsial'nye setevye servisy v kontekste mezhdunarodnoi i natsional'noi bezopasnosti // Indeks bezopasnosti. 2013. T. 19. № 1(104). S. 65-86.
7. Evdokimov E. Politika Kitaya v global'nom informatsionnom prostranstve [Elektronnyi resurs] // Mezhdunarodnye protsessy. 2011. T. 9. № 1(25). S. 54 / Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam // URL: <http://www.obraforum.ru> (data obrashcheniya: 23.03.2016);
8. Evdokimova D., Goncharova O., Firsova E. Pobeg ot «bol'shogo brata» [Elektronnyi resurs] // Sait gazety «Novye izvestiya» / URL: <http://www.newizw.ru/society/2013-09-23/189421-pobeg-ot-bolshogo-brata.html> (data obrashcheniya: 16.12.2016).
9. Evropa opolchilas' protiv Facebook [Elektronnyi resurs] // Rossiiskoe agentstvo novostei potrebitel'skogo rynka / URL: <http://rosпотреbinform.ru/news/Evropa-opolchilas-protiv-Facebook/> (data obrashcheniya: 10.04.2016).
10. Evropeiskii sud obyazal Google udalyat' lichnye dannye iz poiska po zaprosam [Elektronnyi resurs] // Evropeiskii sud po pravam cheloveka / URL: <http://eurocourt.info/publications/news/evropejskij-sud-obyazal-google-udalyat-lichnye-danny-e-iz-poiska-po-zaprosam> (data obrashcheniya: 10.04.2016).
11. Emel'yanov A. Skrytyi Internet // Diplomatika. Zhurnal obshchestvennoi diplomatii. 2012. № 4. S. 116-119.
12. Zheltov V.V., Zheltov M.V. Internet, protestnye dvizheniya i arabskaya vesna // Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2014. Vyp. 1(24). S. 189-2014.
13. Zandere A. Twitter-khuliganstvo ministra inostrannykh del [Elektronnyi resurs] // Sait «InoSMI» / URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150408/227374812.html> (data obrashcheniya: 13.04.2016);
14. Zinov'eva E.S. Vozdeistvie kompanii internet-industrii na mirovuyu politiku // Vestnik MGIMO-universiteta. 2013. № 1(28). S. 43-48.
15. Zinov'eva E.S. Global'noe upravlenie internetom: rossiiskii podkhod i mezhdunarodnaya praktika // Vestnik MGIMO-universiteta. 2015. № 4(43). S. 111-118.
16. Kazarinova D.B. Faktor myagkoi sily v sovremennoi mirovoi politike i problemy politicheskoi stabil'nosti // Zubkova A.I., Ivanov V.G., Kazarinova D.B., Kuteleva A.V., Yaroslavtseva A.O. Politicheskaya stabil'nost': novye vyzovy, metodologicheskie aspekty analiza i prognozirovaniya, regional'nye issledovaniya. M.: RUDN, 2012. S. 67.
17. Kolesnikov A. Krasnaya knopka Interneta // Indeks bezopasnosti. 2015. T. 21. № 4(115). S. 39-52.
18. Kostyrev A.G. Razumnaya sila, obshchestvennaya diplomatiya i sotsial'nye seti kak faktory mezhdunarodnoi politiki // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2013. № 2. S. 143-149.
19. Krizisnyi tsentr prizval zhitel' Bryusselya ostavat'sya na svoikh mestakh [Elektronnyi resurs] // Novosti portala Mail.ru / URL: <https://news.mail.ru/incident/25211617/> (data obrashcheniya: 23.03.2016).
20. Kulikova A. Internet veshchei: virtual'noe blagodenstvie i real'nye riski // Indeks bezopasnosti. 2015. T. 21. № 3(114). S. 95-112.
21. Lebedeva M.M. Aktory sovremennoi mirovoi politiki: trendy razvitiya // Vestnik MGIMO-universiteta. 2013. № 1(28). S. 38-43.
22. Litvinov D., Krikunov A. Sotsial'nye seti kak pole areny informatsionnogo protivoborstva [Elektronnyi resurs] // «Tsentr analiza terroristicheskikh ugroz» / URL: <http://catu.su/component/content/article/43-2011-11-18-08-27-06/158-2011-11-19-12-44-13.html> (data obrashcheniya: 1.04.2016).
23. Lukashina I.Yu. Politicheskaya aktivnost' v internete, kak novyi trend v mirovoi politike [Elektronnyi resurs] // Elektronnaya biblioteka «Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii» / URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Lukashina.pdf> (data obrashcheniya: 30.03.2016).

24. Martirosyan S. Sotsial'nye seti v informatsionnoi voine – opyt Izrailya [Elektronnyi resurs] // «Lobbyirovanie v Ukraine» / <http://lobbying.com.ua/publ/31-1-0-32> (data obrashcheniya: 10.04.2016).
25. Novikova S.A. Politicheskaya identichnost' setevykh aktorov internet-prostranstva: metodologicheskie aspekty // PolitBook. 2013. № 2. S. 68-75.
26. Pantserev K.A. Osmyslenie opyta «twitternykh revolyutsii» v stranakh Severnoi Afriki v kontekste problem informatsionnoi bezopasnosti // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie. 2013. Vyp. 81. № 22(313). S. 91-97.
27. Proekt UMMA [Elektronnyi resurs] // Sait sotsial'noi seti KITAB.ME / URL: <http://kitab.me/page/about/> (data obrashcheniya: 10.04.2016).
28. Ryabchenko N.A. On-line sotsial'nye seti v publichnoi politike: «sem' mostov» Egipta // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2011. № 4. S. 92-102.
29. Savchuk I. Spetssluzhby protiv TLS/SSL: perekhvachennyy trafik, zakrytye klyuchi, kriptomozakladki [Elektronnyi resurs] // Proekt dev.by (IT v Belarusi) / URL: <https://dev.by/lenta/main/spetssluzhby-protiv-tls-ssl-perehvachennyy-trafik-zakrytye-klyuchi-kriptomozakladki> (data obrashcheniya: 10.04.2016).
30. Selezenev R.S. Ekonomika 2.0 i politika 2.0 – spetsifika sotsial'nykh svyazei v srede sotsial'nykh setei (evropeiskii primer) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2014. T. 2. № 3(59). S. 305-311.
31. Strategicheskii nastupatel'nyi twitter [Elektronnyi resurs] // NewsMe / URL: <http://newsme.com.ua/ukraine/politic/785847/> (data obrashcheniya: 13.04.2016).
32. Surma I.V. Global'nyi nadnatsional'nyi aktor mezhdunarodnykh otnoshenii i ego sotsial'naya filosofiya // Vestnik MGIMO – universiteta. 2013. № 4(31). S. 141-152.
33. Terin V.P. Internet – instrument politicheskogo deistviya // Vestnik MGIMO-universiteta. 2013. № 4(31). S. 152-157.
34. Torochkova P.A. Sotsial'nye seti kak element informatsionnykh tekhnologii – novyy aktor mirovoi politiki // Vestnik RGGU. 2014. № 7. S. 116-126.
35. Fokina V.V. SMI, kak aktory mirovoi politiki // Vestnik MGIMO-universiteta. 2013. № 1(28). S. 61-66.
36. Tsifrovaya diplomatiya: napravleniya raboty, riski i instrumenty [Elektronnyi resurs] // Sait RSMD «Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam» / URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=862#top (data obrashcheniya: 30.03.2016).
37. Cherkasova V.P. Televidenie i internet, kak kanaly formirovaniya politicheskogo soznaniya grazhdan Vestnik MGIMO-universiteta. 2013. № 4 (31). S. 157-165.
38. Shirin S.S. Soobshchestva razrabotchikov internet-proektov // Vestnik MGIMO-universiteta. 2013. № 1(28). S. 48-55.
39. Yakovenko N. Pochemu politiki polyubili Twitter [Elektronnyi resurs] // Sait «InoSMI» / URL: <http://inosmi.ru/world/20150716/229132082.html> (data obrashcheniya: 13.04.2016).
40. 40-letnei siriiskoi bloggershe dali pyat' let za shpionazh [Elektronnyi resurs] // Lenta.ru / URL: <https://lenta.ru/news/2011/02/14/zindan/> (data obrashcheniya: 10.04.2016).
41. Declan McCullagh's Feds put heat on Web firms for master encryption keys [Elektronnyi resurs] // Cnet.com / URL: <http://www.cnet.com/news/feds-put-heat-on-web-firms-for-master-encryption-keys/> (data obrashcheniya: 13.04.2016).
42. Dr. Michael Hsieh Social Media in Strategic Communication (SMISC) [Elektronnyi resurs] // Sait «Defense Advanced Research Projects Agency» / URL: <http://www.darpa.mil/program/social-media-in-strategic-communication> (data obrashcheniya: 10.04.2016).
43. Cowie, J. Could It Happen In Your Country? [Elektronnyi resurs] // Dyn.com / URL: <http://research.dyn.com/2012/11/could-it-happen-in-your-countr/> (Data obrashcheniya: 15.03.2016).
44. Keohane, R. O. and Nye J. S. Transnational Relations and World Politics: An Introduction [Elektronnyi resurs] // International Organization/1971.Vol.25.No3.P.329-349 / URL: http://www.ucm.es/info/sdrelint/ficheros_materiales/materiales016.pdf (Data obrashcheniya: 1.03.2016).
45. Kleinwaghter, W. Internet co-governance: towards a multilayer multiplayer mechanism of consultation, coordination and cooperation. // E-learning and digital media.-2006.-Vol. 3.-Pp. 473 – 487.
46. Nye, J.S. Jr. Cyber Power. Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Relations, May 2010.-30 pp.
47. Pak, J. Muslim network Salamworld aims to be Facebook rival [Elektronnyi resurs] // Sait BBC News / URL: <http://www.bbc.com/news/technology-19440584> (data obrashcheniya: 30.03.2016).
48. Pilkington, Ed. Avaaz faces questions over role at centre of Syrian protest movement [Elektronnyi resurs] // Sait «The guardian» / URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/mar/02/avaaz-activist-group-syria> (data obrashcheniya: 30.03.2016).
49. The Internet Governance Forum [Elektronnyi resurs] // Sait Foruma / <http://www.intgovforum.org> (data obrashcheniya: 13.04.2016).
50. Vladimirova T.V. Setevye praktiki obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti // Politika i Obshchestvo. 2015. № 2. S. 250 – 261. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.2.14279.
51. Manoilo A.V. Interesy vneshnei politiki SShA v Afganistane. // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2012. № 3. S. 76-81.
52. Manoilo A.V. Siriiskii tupik «Arabskoi vesny». // Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 12. Politicheskoe nauki. 2013. №6. S. 49-56.
53. Filippova E.I., Filippov V.R. Gornyy Altai. Mezhnatsional'nye otnosheniya segodnya i zavtra // Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya. 1993. T. 2. № 1. S. 63-76.
54. Filippov V.R. Etnichnost' i vlast' v stolichnom megapolise. M., 2009. Ser. Buntuyushchaya etnichnost'. – 240 s.
55. Chuprakova N.S. Informatsionno-psikhologicheskoe vliyanie virtual'no-kommunikativnykh sredstv na molodezh' v sovremennom politicheskom protsesse // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2014. – 6. – C. 946 – 955. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.6.13724.
56. Shul'ts V.L., Kul'ba V.V., Shelkov A.B., Chernov I.V. Upravlenie regional'noi bezopasnost'yu: analiz effektivnosti monitoringa sotsial'noi stabil'nosti // Trendy i upravlenie. – 2015. – 3. – C. 199 – 216. DOI: 10.7256/2307-9118.2015.3.16048.
57. Vladimirova T.V. Novye sotsial'nye mobil'nosti kak praktiki obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti // Politika i Obshchestvo. – 2014. – 8. – C. 902 – 909. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.8.11110.